

Ю.В. РУБЦОВ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В "НЕОБЪЯВЛЕННОЙ" ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989 годы): ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

К 2009 г. относятся две даты, связанные с участием Советского Союза в гражданской войне в Афганистане: 25 декабря – 30-летие ввода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) на территорию соседней страны, а 15 февраля – 20-летие его вывода. Более чем девятилетнее участие Советской Армии во внутриафганском конфликте стало важнейшим событием в новейшей истории СССР. Ряд исследователей прямо квалифицируют его как "необъявленную" войну против Афганистана¹.

За минувшие годы по проблеме накоплена значительная литература, насчитывающая более 800 наименований. Ее наиболее полный историографический анализ проведен А.А. Костырей и С.В. Червонописким².

Едва ли не большая часть исследований участия СССР в войне в Афганистане принадлежит перу профессиональных военных. Эта литература представлена как исследованиями, проведенными сугубо под углом зрения военного искусства³, так и работами военачальников, в которых научно-исследовательские аспекты тесно соседствуют с мемуарными⁴.

Несколько работ мемуарно-исследовательского характера издано видными советскими дипломатами⁵.

В разные годы ряд публикаций по исследуемому вопросу увидели свет на страницах "Новой и новейшей истории"⁶. Журнал опубликовал документы по различным аспектам

Рубцов Юрий Викторович – доктор исторических наук, профессор Военного университета Министерства обороны РФ.

¹ Гай Д., Снегирев В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М., 1991; Марчук Н.И. "Необъявленная" война в Афганистане: официальная версия и уроки правды. М., 1993; Горбунов С.В. Советско-афганская война (1979–1989 гг.): причины и итоги. – Клио, 2008, № 1.

² Костырь А.А., Червонопиский С.В. Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.). Киев, 2005.

³ Опыт ведения боевых действий соединений и частей на территории РА с 1980 по 1987 гг. М., 1988; Опыт применения ОКСВ для оказания помощи афганскому народу. М., 1990; Опыт применения советских войск в Республике Афганистан. М., 1990; Боевые действия советских войск в Республике Афганистан: тематический сборник тактических приемов. М., 1991; Война в Афганистане. М., 1991; Никитенко Е.Г., Киселев Н.В. Аналитическая оценка стохастических взаимосвязей и зависимостей в афганской войне. М., 1995; Кудрявцев А. Особенности боевых действий войск в Афганистане. М., 1996; Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000; Войны и вооруженные конфликты второй половины XX века. М., 2003; Никитенко Е.Г. Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. М., 2004; Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев. М., 2004.

⁴ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992; Громов Б.В. Ограниченный контингент. М., 1994; Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995; Майоров А.М. Правда об афганской войне. М., 1996; Гареев М.А. Афганская страда. М., 2002; Богданов В.А. Афганская война. Воспоминания. М., 2005; Меримский В.А. Загадки афганской войны. М., 2006.

⁵ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч.; Корниенко Г.М. "Холодная война": свидетельство ее участника. М., 1994; Добрынин А.Ф. Сугубо достоверно. М., 1996.

⁶ Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – Новая и новейшая история, 1993, № 3; Меримский В.А. Война в Афганистане: записки участника. – Новая и новейшая история, 1995, № 3; Христофоров В.С. Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану. – Новая и новейшая история, 2008, № 5.

войны в Афганистане, что особенно ценно на фоне явной скудости документальных публикаций по проблеме из-за сохраняющегося еще режима секретности⁷.

Несмотря на обилие литературы, было бы излишне оптимистичным утверждать, что осмысление "необъявленной" войны в Афганистане можно считать свершившимся фактом. Не стихающие по сей день боевые действия в этой стране, эскалация внутриафганского конфликта в связи с вторжением в 2001 г. войск США и международных сил НАТО, осуществленным под предлогом борьбы с международным терроризмом и движением "Талибан", побуждают вновь обращаться к страницам недавнего прошлого в стремлении извлечь уроки из тех событий.

В настоящей статье автор попытался, опираясь на имеющийся массив литературы и источников, проанализировать участие Советского Союза в войне в Афганистане, выявить ее непосредственные и отдаленные последствия для исторической судьбы СССР, а затем и России.

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЙНЫ

До 1978 г. отношения СССР с Демократической Республикой Афганистан (ДРА) регулировались договорами 1921 г. и 1931 г. и отличались дружественным характером, независимо от менявшихся в Кабуле политических режимов.

Северный сосед оказывал Афганистану существенную экономическую и финансовую помощь. С 1954 г. при технико-экономическом содействии СССР было построено и введено в эксплуатацию 70 промышленных, энергетических, транспортных объектов. Они составляли до 60% всех предприятий госсектора. Было подготовлено более 60 тыс. специалистов различного профиля. Советский Союз обеспечивал также до 40% внешнеторгового оборота Афганистана. Он занимал первое место по объему предоставленной ДРА иностранной экономической помощи, его доля составляла 54% общего объема внешних займов и кредитов (для сравнения – доля США составляла 15%)⁸.

Однако, несмотря на значительную иностранную помощь, ДРА продолжала оставаться одной из самых бедных стран мира. По уровню национального дохода на душу населения, составлявшему 160 долларов США в год, ДРА, по оценке экспертов ООН, занимала 108 место из 129 развивающихся стран.

Крайне низкими оставались темпы экономического роста. Две трети валового внутреннего продукта обеспечивали сельское хозяйство и кустарные промыслы. В деревне, где проживали не менее 13–14 млн. человек из 15,5 млн., составлявших население страны, преобладали докапиталистические отношения, что предопределяло глубокую социально-экономическую отсталость ДРА. В жизни афганского общества огромную роль играли племенные и клановые порядки. Рутинные экономические и социальные отношения во многом предопределяли менталитет афганцев, на формирование которого решающее воздействие оказал ислам, исповедующийся 98% населения.

В апреле 1978 г. лидеры действовавшей на полулегальном положении Народно-демократической партии Афганистана совершили военный переворот, получивший название Саурская, или Апрельская революция. В результате был свергнут авторитарный режим М. Дауда, главой государства стал генеральный секретарь народно-демократической партии Афганистана (НДПА) Н.-М. Тараки. Новые власти объявили о вступлении страны на путь социалистических преобразований.

5 декабря 1978 г. в Москве между двумя странами был заключен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Как стало ясно позднее, особое значение в нем имела 4-я статья, которая зафиксировала взаимное обязательство "предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной

⁷ Документы советского руководства о положении в Афганистане. 1979–1980. – Новая и новейшая история, 1996, № 3; Позиция руководства США в связи с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. – Новая и новейшая история, 1997, № 3.

⁸ Демократическая Республика Афганистан. М., 1981, с. 9, 67, 73.

целостности". Именно на эту статью власти СССР и ДРА позднее ссылались, как на правовую базу ввода советских войск в Афганистан.

Заключение полномасштабного договора и значительный динамизм, который после апреля 1978 г. приобрели отношения между двумя странами, отразили новую политическую реальность в Афганистане. Переворот, организованный НДПА, был громко объявлен народной революцией, на самом же деле он представлял собой очередной акт верхушечной борьбы за власть различных политических сил, отнюдь не пользовавшихся массовой поддержкой населения. Сразу же после победы в НДПА разгорелась ожесточенная борьба между фракциями "Хальк" (руководители – Н.-М. Тараки и Х. Амин) и "Парчам" (Б. Кармал), сопровождавшаяся массовыми репрессиями по отношению к более слабым "парчамистам". Она постепенно выходила за рамки сугубо партийных рамок и охватывала все новые слои афганского общества.

Лишь по большому недоразумению утвердившийся в Кабуле режим можно было квалифицировать как социалистический. По обоснованному мнению бывшего первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенца, "на самом деле это была своеобразная, даже странная смесь пуштунского национализма с марксистской идеологией в ее догматической упаковке"⁹. Тем не менее, факт прихода к власти партии, по лозунгам родственной КПСС, в Москве встретили с повышенным вниманием. В советском руководстве оказалось немало энтузиастов "прыжка" Афганистана из феодализма в социализм, подобно Монголии или советским республикам Средней Азии. В первую очередь, это были секретари ЦК КПСС М.А. Суслов и Б.Н. Пономарев, отвечавшие за идеологию и связи с братскими партиями, и поддерживавший их аппарат. Не случайно секретарь ЦК, заведующий Международным отделом ЦК Пономарев в течение короткого времени дважды выезжал в Кабул. В декабре 1978 г. визит в СССР совершили генеральный секретарь ЦК НДПА, президент Афганистана Н.-М. Тараки и заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Х. Амин (вскоре он стал премьером).

Некоторое время взаимоотношения двух стран развивались за счет наращивания экономической и научно-технической помощи со стороны СССР. Увеличивалась и военная помощь. Только по линии министерства обороны СССР в Афганистан в течение года были направлены примерно 550 советников. С июня 1979 г. на Баграмском аэродроме (в 60 км севернее Кабула) базировалась эскадрилья самолетов Ан-12, вместе с которой для усиления охраны аэродрома прибыл парашютно-десантный батальон. На территорию страны под различным прикрытием были переброшены и некоторые другие советские воинские подразделения.

Падение и без того непрочного авторитета власти в глазах населения (по существу провалилась аграрная реформа, страну лихорадили репрессивные кадровые чистки, грубо попирались нормы ислама), рост выступлений оппозиции, поддерживаемой из-за рубежа, вызывали растущее беспокойство руководство НДПА за свое положение. Рассматривая помощь, которую антиправительственным силам оказывали Пакистан, США, Китай и другие страны как вмешательство последних во внутренние дела ДРА, кабульский режим стал все более уповать на прямое военное вмешательство со стороны СССР.

Вопрос о возможности ввода советских войск на территорию Афганистана Н.-М. Тараки впервые поднял ранней весной 1979 г. Его постановку стимулировали массовые антиправительственные выступления, начавшиеся 15 марта 1979 г. в Герате. На сторону восставших почти полностью перешла дислоцированная в городе пехотная дивизия. Заговор был раскрыт также в Джелалабадском гарнизоне. Правящая власть зашаталась, страна встала перед угрозой гражданской войны общеоафганского масштаба. Руководители страны обратились в Москву с настоятельной просьбой оказать помощь войсками для подавления выступления в Герате.

⁹ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998, с. 453.

В этой связи 17–19 марта 1979 г. члены Политбюро ЦК КПСС обсуждали возможные меры помощи правительству Афганистана. Имеющиеся в распоряжении историков документы оставляют двойственное впечатление от степени твердости позиции отдельных членов Политбюро. В течение нескольких дней одни и те же лица (прежде всего те, кто впоследствии фактически определял афганский курс) высказывали подчас противоположные взгляды.

Так, министр иностранных дел А.А. Громыко заявил: "Я считаю, что нам нужно будет прежде всего исходить из главного при оказании помощи Афганистану, а именно: мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан". Конечно, оговаривался он, одно дело применять такую крайнюю меру, как ввод войск, в случае, когда афганская армия поддерживает законное правительство, и совсем другое – когда армия "будет против правительства, а следовательно, и наших войск".

Секретарь ЦК КПСС А.П. Кириленко, рассуждая, с кем будут воевать советские войска, "если мы их туда пошлем", тоже видел реальную опасность в том, что придется воевать не с ограниченным количеством недовольных, а "в значительной степени с народом". В то же время он поддержал министра обороны Д.Ф. Устинова в его призыве "выступить против мятежников".

Неоднозначную позицию занял глава правительства А.Н. Косыгин. С одной стороны, он высказался за то, чтобы не "подталкивать" афганское руководство к обращению о направлении советских войск и всемерно побуждать его опираться на собственные силы. Желая компенсировать отказ, он предложил увеличить объем и ускорить поставки вооружения и продовольствия, предоставить афганцам дополнительную финансовую помощь. С другой стороны, Косыгин высказался за то, чтобы загодя сформировать воинские части, предназначенные для ввода в соседнюю страну, и "послать по особой команде".

Наиболее последовательным сторонником вооруженного вмешательства во внутри-афганский конфликт предстал Устинов. Он проинформировал Политбюро о том, что в министерстве обороны разработаны два варианта военной акции, которые могут быть реализованы уже через трое суток. Первый из них предусматривал переброску в течение суток 105-й воздушно-десантной дивизии и мотострелкового полка непосредственно в Кабул, а также подтягивание к границе еще двух мотострелковых дивизий – 68-й и 5-й. По второму варианту предполагался одновременный ввод большего числа войск – двух дивизий.

Державшийся почти все заседание в тени председатель КГБ Ю.В. Андропов высказался скорее за, чем против ввода: "Политическое решение (о направлении войск. – Ю.Р.) нам нужно разработать и иметь в виду, что на нас, наверняка, повесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан"¹⁰.

Дискуссия была прервана в связи с необходимостью узнать точку зрения генсека Л.И. Брежнева, отсутствовавшего на заседании из-за болезни, а также учесть результаты предстоявшего телефонного разговора Косыгина с Тараки. В ходе разговора афганский президент напрямую поставил вопрос о направлении в его страну советских войск, обосновывая просьбу тем, что лишь эта кардинальная мера сможет спасти революцию. Он предложил Москве не связывать себя нормами международного права и направлять в Афганистан солдат и офицеров, призванных на службу из среднеазиатских республик и переодетых в афганскую военную форму, а на танки и самолеты поставить афганские опознавательные знаки, и "никто ничего не узнает". Тараки явно не желал прислушаться к советам своего собеседника и заняться мобилизацией союзников власти внутри Афганистана.

Возобновившийся 18 марта 1979 г. разговор в Политбюро показал, что позиция ряда его членов существенно изменилась. Громыко и Андропов отошли от уклончивой пози-

¹⁰ Материалы дискуссии в ходе заседания см.: Громыко Б.В. Указ. соч., с. 25–34.

ции, занятой накануне, и выступили против военного вмешательства¹¹. Им явно стала известна отрицательная позиция Брежнева, которую на следующий день, 19 марта 1979 г., генсек, прибыв в Кремль, сформулировал следующим образом: "У них распадется армия, а мы здесь должны будем вести за нее войну".

Было решено ограничиться наращиванием экономической и финансовой помощи ДРА: для охраны границы выделить 10 млн. рублей в валюте; на безвозмездной основе поставить оружие и боевую технику, за которые афганская сторона по ранее заключенным контрактам должна была платить; вместо запланированных 75 тыс. тонн хлеба поставить 100 тыс. тонн; поднять цену, по которой СССР закупал в соседней стране газ, с 15 до 25 рублей за 1 тыс. кубометров. Не обошлось и без мер военного характера: в приграничных районах министерство обороны "на всякий случай" разворачивало две дивизии, если все же возникла бы необходимость их оперативной переброски на территорию соседней страны, по линии министерства обороны, КГБ и МВД в Афганистан дополнительно направили примерно 200 советников.

20 марта 1979 г. в Москву прилетел Тараки. Он был принят Брежневым, дважды встречался с Косыгиным и другими членами политического руководства СССР. На просьбу о направлении в ДРА советских воинских частей Тараки официально получил отказ. Руководители СССР, соглашаясь на оказание ДРА дипломатической поддержки, финансовой и экономической помощи, на поставки вооружения и направление большего числа советников, критиковали гостя за иждивенчество, ориентировали его на активизацию усилий по расширению базы своей власти внутри собственной страны.

Как показали дальнейшие события, решимость советского руководства пока не вмешиваться в афганский конфликт оказалась шаткой. Мартовские дискуссии в Политбюро продемонстрировали твердую готовность "ни при каких обстоятельствах не потерять Афганистан", а именно ею, в первую очередь, руководствовались в Кремле. Одновременно проявилась четкая зависимость мнений членов высшего руководства от позиции Брежнева, которая тоже не оставалась неизменной. "Гибкость" членов Политбюро, диктовавшаяся не реальной обстановкой, а мнением первого лица, вместе с поверхностным уровнем обсуждения острейшей проблемы, пренебрежением аргументами профессионалов и непониманием специфики условий исламского общества предопределили, в конце концов, ошибочное и трагическое решение о вводе войск. Швейцарские авторы П. Алан и Д. Клей назвали эти факторы "рамками идеологии и бюрократии", внутри которых развивался Советский Союз и действовало, казалось бы, всесильное руководство страны¹². Все большая вовлеченность в афганские события поставила Москву перед необходимостью радикальных решений.

Уже в начале апреля 1979 г., во время поездки в Афганистан начальника Главного политуправления Советской армии и военно-морского флота генерала армии А.А. Епишева, Тараки и Амин вновь поставили вопрос о вводе войск. С аналогичной и весьма настойчивой просьбой – прислать на помощь не менее двух дивизий – они обратились также к Пономареву, находившемуся в Кабуле во второй половине июля 1979 г. В общей сложности историки насчитывают не менее 20 обращений подобного рода, исходивших от различных афганских руководителей.

Документы и свидетельства непосредственных участников тех событий показывают, что наиболее трезвую позицию в вопросе, как реагировать на такие просьбы, занимали высшие военные руководители, рекомендовавшие воздержаться от попыток решать политические вопросы в соседней стране с помощью советских штыков. Начиная с 17 августа 1979 г. заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий сухопутными

¹¹ Андропов заявил на заседании 18 марта 1979 г.: "Мы... ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан". А на следующий день в присутствии Брежнева высказался еще более категорично: "Ввести свои войска – это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого". – Цит. по: *Громов Б.В.* Указ. соч., с. 43, 51.

¹² *Алан П., Клей Д.* Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М., 1999, с. 25.

войсками генерал армии И.Г. Павловский два с лишним месяца изучал сложившуюся в Афганистане обстановку и состояние вооруженных сил ДРА. Вместе с сопровождавшими его генералами и офицерами он оказывал помощь в планировании и практическом осуществлении боевых действий против оппозиции, иначе говоря, имел возможность изнутри оценить боеспособность афганской армии. Возвратившись из ДРА, Павловский рекомендовал отказать афганским руководителям в их просьбах о направлении советских войск. Устинов, недовольный рекомендацией Павловского, доложил в ЦК КПСС, что задачи, которые были поставлены перед его заместителем на период командировки, выполнены, однако, посчитал необходимым скрыть от ЦК отрицательный вывод Павловского¹³.

Последовательную позицию, суть которой заключалась в понимании серьезной опасности широкомасштабного военного вмешательства в афганские дела, занимал начальник Генерального штаба ВС СССР Маршал Советского Союза Н.В. Огарков. В первой декаде декабря 1979 г. маршала дважды приглашали на совещания к Брежневу, где он доказывал бесперспективность и опасность ввода войск в Афганистан. На заседании Политбюро ЦК КПСС 12 декабря 1979 г. начальник Генштаба вновь выступил против такого авантюристического акта, но так и не был услышан.

Хорошо информированный А.Ф. Добрынин, бывший посол в США, а в дальнейшем секретарь ЦК КПСС, вспоминал, что у начальника Генштаба было немало единомышленников: «Высшие чины генералитета – Огарков, Ахромеев (первый заместитель начальника Генштаба. – *Ю.Р.*), Варенников (начальник Главного оперативного управления – заместитель начальника Генштаба. – *Ю.Р.*) – даже обратились с необычным коллективным рапортом по этому поводу к министру обороны Устинову. В ответ они слышали раздраженный окрик: "Не рассуждать. Выполняйте решение Политбюро"»¹⁴. К слову, аналогичное раздраженное замечание – мол, о большой политике есть кому думать, а вы озабочены выполнением указаний ЦК, – Огарков получил на одном из заседаний и от Андропова.

Выводами своих ближайших подчиненных – профессиональных военных с огромным боевым опытом – в первую очередь пренебрег министр обороны Устинов. Отсутствие основательных знаний военного дела явно не позволило ему глубоко оценить военнополитическую ситуацию в Афганистане и последствия вмешательства в противостояние враждующих внутри этой страны сил. Но он, как и Андропов, имел серьезное влияние на Брежнева, а значит – на формирование политического курса СССР.

У руководства КПСС возобладали идеологические, доктринальные соображения, заключающиеся в стремлении поддерживать в мире любое общественное движение, которое объявляло о своей приверженности марксизму, и расширить за счет еще одной страны лагерь социализма. Близки к ним были и партийно-политические соображения: отстранение от власти идеологически родственной партии могло быть негативно, как прецедент, воспринято в социалистическом лагере и коммунистическом движении, скажется на престиже КПСС и СССР.

Был проигнорирован вековой опыт взаимоотношений европейцев с афганцами. Словно специально для лиц, в 1979 г. принимавших решение о вводе войск, еще в 1921 г. крупнейший востоковед генерал А.Е. Снесарев писал об Афганистане и афганцах: "Это – горная страна, лишенная дорог, с отсутствием технических удобств, с разрозненным и ненадежным населением; а это ненадежное население сверх того свободолюбиво, отличается гордостью, дорожит своей независимостью. Последнее обстоятельство поведет к тому, что если этой страной и можно овладеть, то удержать ее в руках очень трудно, на заведение администрации и заведение порядка потребуется столько ресурсов, что страна этих трат никогда не вернет: ей вернуть их не из чего"¹⁵.

¹³ Документы советского руководства о положении в Афганистане, с. 98.

¹⁴ Добрынин А.Ф. Указ. соч., с. 455.

¹⁵ Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002, с. 201.

К радикальному решению о вводе войск в соседнюю страну советское руководство подтолкнуло убийство в сентябре 1979 г. президента Тараки, к которому в Москве питали особые симпатии. К этому времени афганский режим фактически вступил в стадию самоуничтожения: избавившись от конкуренции со стороны "парчамистов" (Кармаль был направлен послом в Чехословакию, а тысячи его сторонников репрессированы), руководители фракции "Хальк" стали все более открыто враждовать уже между собой. По информации, представленной 15 сентября 1979 г. в ЦК КПСС руководителями министерств иностранных дел и обороны, а также КГБ, перевес оказался на стороне Амина, который был готов физически устранить лидера НДПА. Предлагалось всячески удерживать Амина от репрессий, не порывая контактов с ним самим "для окончательно выяснения его политического лица и намерений"¹⁶.

Амин, однако, пренебрег советами Кремля и расправился с главой НДПА и президентом страны, предварительно добившись отстранения его от всех партийных и государственных постов. В Кабуле, по сути, произошел очередной военный переворот.

29 сентября 1979 г. "тройка", занимавшаяся в Политбюро афганской проблематикой (Устинов, Андропов, Громыко), представила новую записку, в которой констатировались "неискренность и двуличие" Амина, а также содержалось предупреждение о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении. Окончательная утрата доверия к Амину сыграла роковую роль в принятии решения о вводе войск.

Справедливости ради надо сказать, что у руководства СССР были и объективные основания для такого решения. Прежде всего, это – геополитическое противоборство с США во имя обеспечения национальной безопасности. На юге Афганистан был в то время, по сути, единственным дружественным соседом СССР. К тому же он традиционно рассматривался как страна, находящаяся в зоне геополитического влияния СССР, а США явно пытались нарушить здесь баланс сил. Серьезную обеспокоенность в Москве вызывало стремление американцев существенно усилить свой военный потенциал в регионе: нарастить военно-морскую группировку в районе Персидского залива, переместить из Ирана, где победила исламская революция, на север Афганистана станцию слежения. Кроме того, на антисоветской основе шло быстрое сближение Вашингтона с Пекином.

Обращает на себя внимание и такой факт: вводить войска в Афганистан руководство страны решило 12 декабря 1979 г., то есть именно в тот день, когда Совет НАТО принял решение о размещении в Европе американских ракет средней дальности. Очевидно, что в Кремле свою военную акцию на южном направлении рассматривали, как некий "асимметричный ответ" на возросшую угрозу НАТО с запада.

ВВОД ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА

Сказанное выше, однако, не отменяет общего вывода о том, что решение о прямом военном вмешательстве СССР в афганские события было принято поспешно, без обязательного в таких ответственных случаях глубокого анализа. Как писал бывший первый заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко, мнение компетентных экспертов, предупреждавших о катастрофических последствиях, проигнорировало руководство не только Минобороны, но и министерства иностранных дел, международного отдела ЦК КПСС, а в конечном счете, и Политбюро ЦК¹⁷. К декабрю 1979 г. члены высшего политического руководства обсуждали проблему лишь в своем узком кругу. Материалы готовились афганской "тройкой" и утверждались генеральным секретарем ЦК КПСС. В этом контексте заслуживает внимания авторитетное мнение бывшего начальника 4-го главного управления минздрава СССР Е.И. Чазова относительно того,

¹⁶ Документы советского руководства о положении в Афганистане, с. 96.

¹⁷ Корниенко Г.М. Указ. соч., с. 194.

что Брежнев в силу тяжелой болезни сосудов головного мозга даже не представлял, что в действительности происходит в Афганистане, и передоверил все ближайшему окружению¹⁸.

Как утверждает Корниенко, самым энергичным инициатором пересмотра ранее выработанной позиции – от военного вмешательства пока воздержаться – выступил Устинов. Его поддержал Андропов, пошедший на поводу у своего аппарата, который преувеличивал и опасность прихода к власти Амина, и возможность для СССР легко изменить ситуацию в желательном для себя плане. К коллегам по Политбюро присоединился и Громыко. Болезненное состояние и резко снизившаяся работоспособность Брежнева развязывали влиятельной "тройке" руки.

Как следствие: еще не было принято политическое решение, а Устинов в первых числах декабря 1979 г. уже проинформировал руководящий состав вооруженных сил о готовящемся вводе войск, а 10 декабря отдал распоряжение о создании группировки численностью до 75 тыс. человек.

Сам за себя говорит и такой факт: еще в ноябре 1979 г. в Баграм был переброшен отдельный отряд специального назначения (так называемый "мусульманский" батальон) Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ) численностью более 500 человек, сформированный из военнотружеников, этнически близких афганцам – узбеков, туркмен, таджиков. Одетый в униформу афганской армии и вооруженный оружием повышенной огневой мощи, отряд официально предназначался для усиления охраны резиденции Амина. На самом же деле отряд предназначался для свержения этого правителя, совершенно потерявшего доверие Москвы.

К окончательному политическому решению руководство страны пришло 12 декабря 1979 г. Постановление ЦК КПСС (на одной странице, написано рукой секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко, имело заголовок «К положению в "А"») из соображений сверхсекретности было лаконично и содержало положения, сформулированные в самом общем виде так, чтобы их смысл был понятен лишь участникам заседания. Были одобрены "соображения и мероприятия", изложенные Андроповым, Устиновым и Громыко по практическому осуществлению ввода войск, начало которого было намечено на 25 декабря 1979 г., на этих же лиц возлагалась и реализация указанных мероприятий. Постановление обязывало их информировать Политбюро о ходе выполнения ввода войск и своевременно вносить туда вопросы, требовавшие решений ЦК¹⁹.

26 декабря 1979 г., на следующий день после начала ввода войск, на даче Брежнева было созвано совещание. После докладов руководителей КГБ, Минобороны и МИД Брежнев одобрил предложенный ими план действий на ближайшее время. "Тройка" в составе Андропова, Устинова и Громыко, к которой нередко присоединялся Пономарев, и далее сохраняла свои полномочия основного властного органа, на который замыкался весь комплекс вопросов, связанных с оказанием помощи Афганистану. Вскоре она трансформировалась в официально учрежденную комиссию Политбюро.

Решение 12 декабря 1979 г. было принято лишь пятью членами Политбюро из 12, а если считать и кандидатов – из 16 членов высшего политического органа. Подписи восьми человек появились постфактум 25 и 26 декабря 1979 г. Глава правительства Косыгин документ не завизировал.

Брежнев по совету Суслова посчитал излишним хотя бы формально придать решению Политбюро законную силу, учитывая, что применение вооруженных сил были прерогативой высшего органа государственной власти. Вопреки Конституции, использование советских войск за рубежом не было осязано даже указом Президиума Верховного Совета СССР. Цели ввода войск в соседнюю страну и методы их действий не определялись, правовой статус ограниченного контингента не формулировался. В печа-

¹⁸ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992, с. 88.

¹⁹ Кто, где, когда принял решение о вводе советских войск в Афганистан? – Азия и Африка сегодня, 1994, № 5, с. 2; Секретные документы из особых папок: Афганистан. – Вопросы истории, 1993, № 3, с. 5.

ти говорилось лишь об оказании интернациональной помощи "дружественному афганскому народу" в защите Апрельской революции.

После решения, принятого 12 декабря 1979 г. высшими политическими руководителями, были резко интенсифицированы непосредственные военные приготовления к вводу войск. По приказу министра обороны 14 декабря 1979 г. в Термез, пограничный город на территории СССР, прибыла специально сформированная оперативная группа министерства обороны во главе с первым заместителем начальника Генштаба генералом армии С.Ф. Ахромеевым. Через некоторое время ее возглавил первый заместитель министра обороны Маршал Советского Союза С.Л. Соколов. Группа руководила проведением мобилизационных мероприятий в Туркестанском и Среднеазиатском военных округах, масштаб и сроки которых были беспрецедентны. В течение двух недель до полных штатов было развернуто около 100 соединений, частей и учреждений, в том числе управление 40-й армии (командующий – генерал-лейтенант Ю.В. Тухаринов). Из запаса были призваны более 50 тыс. военнообязанных, из народного хозяйства подано около 8 тыс. автомобилей и другой техники²⁰.

24 декабря 1979 г. руководящий состав вооруженных сил был ознакомлен с директивой министра обороны, в которой определялись задачи и порядок действий войск на начальном этапе ввода в Афганистан²¹. Советские воинские части должны были расположиться гарнизонами и взять под охрану важнейшие объекты, при этом их участие в боевых действиях против антиправительственных формирований не предусматривалось.

Первые советские воины из разведывательного подразделения пересекли границу 25 декабря 1979 г. в 18.00 по местному времени. По наведенному через Амударью в районе Термеза понтонному мосту переправилась 108-я мотострелковая дивизия, а на аэродромы Кабула и Баграма по воздуху к 17.30 (по местному времени) 27 декабря были переброшены основные силы 103-й воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка. Десантники взяли под свой контроль здания ЦК НДПА, министерств обороны и внутренних дел и другие важные объекты.

Вечером того же дня спецгруппами КГБ "Гром" и "Зенит", а также "мусульманским" батальоном ГРУ была осуществлена спецоперация "Шторм-333". В результате операции – ею руководили глава нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майор Ю.И. Дроздов и полковник ГРУ (впоследствии – генерал-майор) В.В. Колесник – был захвачен дворец Тадж-Бек, где размещалась резиденция главы Афганистана, а Амин убит²².

Штурм едва закончился, как кабульское радио объявило о том, что в результате народного восстания свергнут "кровавый тиран и агент ЦРУ" Амин и к власти пришли революционные силы во главе с Кармалем. Последний был накануне нелегально доставлен из Москвы и до последнего момента находился в расположении "мусульманского" батальона под охраной сотрудников КГБ. Было спешно оформлено избрание его генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Революционного совета Афганистана и назначение премьер-министром ДРА.

В Кремле и на Старой площади не могли не понимать, что факт совпадения во времени двух событий – вхождения советских войск и смены руководства Афганистана – неизбежно привлечет пристальное внимание мирового сообщества, и его надо будет логично объяснить. В связи с этим 27 декабря 1979 г. Политбюро приняло постановление "О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана", содержащее требования, которые было необходимо выдерживать при освещении вопроса в печати, по радио и телевидению. Так, предписывалось в обязательном порядке подчеркивать, что решение о направлении войск советским руководством было принято в ответ на просьбу правительства Кармаля и эта мера служит одной цели – оказанию народу и правительству ДРА помощи в борьбе против внешней агрессии. Политбюро потребова-

²⁰ Ляховский А.А. Указ. соч., с. 129–130.

²¹ Язов Д.Т. Удары судьбы. М., 2000, с. 350–351.

²² Дроздов Ю.И. "Шторм-333". – Афган, снова Афган... М., 2002, с. 27–78.

ло также давать твердый и аргументированный отпор "любым возможным инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. Подчеркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана"²³.

Указанные выше положения составляли ядро и других утвержденных Политбюро документов – указаний советским послам за рубежом и советскому дипломатическому представителю в Совете Безопасности ООН, сообщения ТАСС и писем ЦК КПСС местным парторганизациям и коммунистическим и рабочим партиям несоциалистических стран.

Афганские руководители, не отрицая факта обращения руководства ДРА с просьбой о присылке войск, от личной причастности к такой акции решительно отмежевывались. "До начала 1980 г., – говорил Кармаль, – я ни по закону, ни на практике не был ни руководителем Афганистана, ни тем человеком, который пригласил в мою страну советские войска"²⁴. Наджибулла, сменивший Кармалю в ноябре 1986 г., заявил: "Обстоятельства ввода советских войск мне неизвестны в деталях. Я был в то время за рубежом, в Югославии"²⁵. Правда, говорилось все это много позднее, а по горячим следам силы, утвердившиеся в руководстве Афганистана, были вполне согласны с версией Москвы.

В те же дни Кремль обнародовал официальную позицию. В концентрированном виде она была изложена в ответах Брежнева на вопросы корреспондента "Правды" 13 января 1980 г., и не оставляла сомнений, что советское руководство действовало, исходя из логики глобальной конфронтации с Западом. В качестве мотива ввода войск генсек назвал вооруженную интервенцию, развязанную извне против революции, угрозу утраты Афганистаном своей независимости и превращения его в "империалистический военный плацдарм на южной границе нашей страны". Брежнев упомянул также о неоднократных обращениях афганского руководства, апеллировал к советско-афганскому договору 1978 г. и праву каждого государства, в соответствии со ст. 51 Устава ООН, на индивидуальную и коллективную самооборону. "Единственная задача, поставленная перед советскими контингентами, – заявил он, – содействие афганцам в отражении агрессии извне. Они будут полностью выведены из Афганистана, как только отпадут причины, побудившие афганское руководство обратиться с просьбой об их вводе"²⁶.

В ответах на вопросы "Правды" Брежнев имел возможность опираться и на неопровержимые факты. Он прямо обвинил США, Китай, Пакистан и некоторые другие страны во вмешательстве во внутренние дела Афганистана. Такое вмешательство действительно имело место, приобретая со временем все большие масштабы.

Изгнанные из Ирана американцы проявляли интерес к соседнему Афганистану. Их участие в борьбе с режимом, пришедшим на смену М. Дауду, началось еще до декабря 1979 г. США были крайне заинтересованы во втягивании СССР в афганские события. Недолгая разрядка международной напряженности сменилась в конце 70-х годов очередным похолоданием советско-американских отношений; борьба двух сверхдержав за влияние в мире возобновилась с новой силой: США стремились максимально обескровить СССР. США рассматривали Афганистан как своеобразную компенсацию за поражение во Вьетнаме.

Как следует из конфиденциальных документов администрации США, в Вашингтоне намеревалась добиться достижения трех целей: заставить СССР "заплатить за попрание фундаментальных принципов поведения на международной арене"; добиться, чтобы Советский Союз вывел свои воинские части из Афганистана; предотвратить эскалацию широкомасштабных военных действий советских войск против отрядов оппозиции²⁷.

²³ Секретные документы из особых папок: Афганистан, с. 10.

²⁴ Боровик А.Г. Афганистан. Еще раз про войну. М., 1990, с. 11.

²⁵ Новое время, 1992, № 17, с. 27.

²⁶ Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980, с. 8.

²⁷ Позиция руководства США в связи с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г., с. 120.

Зловещую роль сыграл помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, приложивший немало сил, чтобы окончательно развернуть президента Дж. Картера от разрядки в сторону сдерживания СССР. Бжезинский считал, что СССР через Афганистан стремится к прямому выходу к Индийскому океану путем дальнейшего вторжения в Пакистан и Иран. Позднее Бжезинский неоднократно заявлял, что предвидел возможность ввода советских войск в Афганистан и был доволен этой акцией Кремля, поскольку она гарантированно толкала СССР к развалу²⁸.

Американцы ждали военной акции Москвы, боясь "спугнуть" ее. Об этом в 1995 г. говорил и Б. Одом, бывший в упомянутые годы заместителем Бжезинского. Используя американский политический сленг, в первые три недели декабря 1979 г. в Вашингтоне "собака не лаяла": в адрес СССР не последовало ни одного заявления, дабы не насторожить Кремль и невольно побудить его отказаться от ввода войск.

США подливали масла в огонь и по ходу афганской войны. Устинов, докладывая в октябре 1980 г. в ЦК КПСС добытую ГРУ информацию, сообщал о непосредственном участии США и их союзников в обучении, оснащении и заброске в ДРА вооруженных формирований оппозиции. Разведка выявила на территории Пакистана 42 пункта подготовки вооруженных отрядов, где за 1980 г. с помощью американских, китайских, пакистанских и египетских инструкторов было подготовлено более 60 тыс. диверсантов, из которых 50 тыс. переброшены через границу с ДРА. Через третьи страны – Египет, Саудовскую Аравию – обеспечивались поставки оружия. Имелась также информация о разработке ЦРУ специальных рекомендаций по "использованию религиозных течений и группировок в борьбе с распространением коммунистического влияния". Руководствуясь ими, сотрудники американских спецслужб вели активную работу среди пуштунских и белуджских племен, провоцируя их на антиправительственные выступления²⁹.

Под геополитическое противоборство с СССР в этом регионе мира США подводили беспрецедентную финансовую базу. По данным советских исследователей, за десять лет, начиная с момента Апрельской революции и до 1987 г., американская помощь афганской оппозиции составила 2,6 млрд. долл.³⁰

ЭСКАЛАЦИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В литературе пребывание ОКСВ на территории Афганистана принято делить на четыре этапа. Первый – (декабрь 1979 г. – февраль 1980 г.) – ввод основного состава 40-й армии, размещение по гарнизонам, обустройство, организация охраны постоянных пунктов дислокации и различных объектов.

Второй – (март 1980 г. – апрель 1985 г.) – участие в боевых действиях против вооруженной оппозиции совместно с афганскими соединениями и частями, оказание помощи в реорганизации и укреплении вооруженных сил ДРА.

Третий – (май 1985 г. – декабрь 1986 г.) – переход от активного участия в боевых действиях преимущественно к поддержке операций, проводимых силами афганских войск. Применение мотострелковых, воздушно-десантных и танковых подразделений главным образом в качестве резервов и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Оказание помощи в развитии армии ДРА. Частичный вывод советских войск с территории Афганистана.

Четвертый – (январь 1987 г. – февраль 1989 г.) – участие в проведении политики национального примирения, продолжение работы по укреплению вооруженных сил ДРА и поддержка их боевых действий, планирование и осуществление полного вывода советских войск на территорию СССР³¹.

²⁸ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 461.

²⁹ Документы советского руководства о положении в Афганистане, с. 99.

³⁰ Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987. М., 1988, с. 258.

³¹ Гареев М.А. Указ. соч., с. 66.

Первоначальная численность войск, согласно постановлению Политбюро от 2 января 1980 г., составляла 50 тыс. человек. Сила вполне достаточная для сдерживания вмешательства третьей стороны, но не для ведения масштабных боевых действий. Но уже первые месяцы пребывания в Афганистане показали: придется воевать с антиправительственной оппозицией. Надежды советских руководителей на то, что эту функцию возьмет на себя афганская армия, оказались безосновательными: эта армия была слишком слабой и ненадежной. В первый бой советские воины вступили уже 9 января 1980 г. при разоружении восставшего артиллерийского полка армии ДРА в населенном пункте Нахрин. Здесь же были и первые боевые потери.

Некоторое время руководителям оперативной группы министерства обороны Соколову и Ахромееву удавалось сдерживать постоянные попытки руководства ДРА втянуть ОКСВ в гражданскую войну. Но уже в конце февраля 1980 г. после массовых антиправительственных выступлений в Кабуле и очередной настойчивой просьбы Кармаля из Москвы поступило категорическое указание: "Начать совместные с армией ДРА активные действия по разгрому отрядов вооруженной оппозиции"³². Так спустя всего два месяца после ввода 40-й армии высшее политическое и военное руководство СССР отказалось от первоначальных расчетов ограничить задачи ОКСВ пребыванием на территории Афганистана советских гарнизонов с целью охраны стратегических объектов и сдерживания внешней угрозы.

Впрочем, с самого начала питать иллюзии "о невмешательстве" в гражданскую войну в Афганистане могли лишь люди, имевшие крайне упрощенное представление о сути проблемы. Советское руководство сводило всю борьбу в афганском обществе в основном к противостоянию двух общественно-политических систем. На самом деле в тугой узел переплелось сразу несколько конфликтов различных уровней и цивилизаций: идеологический (капитализм – социализм), религиозный (ислам – власть, официально провозгласившая атеизм), национальный (гражданская война моджахедов и кабульского режима), межэтнический (вражда разных народностей и племен), внутриэтнический (вражда кланов, родов и семей). С вовлечением в войну ОКСВ к ним добавился, став одним из главных, межнациональный конфликт. Повстанческая борьба со стороны противников режима против советских войск приобрела еще и национально-освободительную окраску. Это сразу же отразилось на содержании пропаганды, которую вела оппозиция, призвав население на борьбу с советскими войсками.

По некоторым сведениям, в конце февраля 1980 г. в Москве прорабатывался вопрос о выводе советских войск, поскольку можно было считать, что со свержением Амина и утверждением нового правительства Кармаля они свою миссию выполнили. Тогда еще не поздно было исправить допущенную ошибку и покинуть Афганистан, не уронив достоинства великого государства. Но, как и при вводе войск, в верхах было принято во внимание мнение Устинова, Андропова и, вероятно, Громыко, которые считали, что возвращение 40-й армии на Родину означало бы уступку агрессивной политике США, нанесло бы ущерб престижу СССР, вызвало бы дальнейшую дестабилизацию обстановки в ДРА, привело бы к резкому усилению религиозного экстремизма у южных границ СССР. С учетом этих соображений к вопросу о выводе ОКСВ было решено вернуться позднее, по мере стабилизации политической обстановки³³.

В июне – июле 1980 г. некоторые воинские части все же пришлось вернуть на территорию СССР. Среди них – несколько танковых полков, ракетные дивизионы мотострелковых дивизий, артиллерийскую и зенитно-ракетную бригады, другие подразделения. Эта мера была связана с упорядочением состава 40-й армии, для которой указанные части оказались излишними, учитывая характер боевых действий и рельеф местности.

³² Ляховский А.А. Указ. соч., с. 176.

³³ Там же, с. 177.

Так или иначе, военному командованию стало ясно, что ОКСВ придется задержаться в Афганистане неопределенно долго. Началось быстрее "сколачивание" подразделений и частей, повышение их готовности к ведению боевых действий с противником, который избрал тактику партизанской войны. Положение советских войск осложнялось тяжелыми климатическими условиями и преимущественно горным рельефом местности.

Все военнообязанные, призванные из запаса, были заменены кадровыми офицерами и военнотружущими срочной службы. В начальный период ставка делалась на уроженцев Средней Азии, как якобы более приспособленных для службы в Афганистане. Однако такой подход оказался бесперспективным. Бойцы, призванные из республик Средней Азии, были профессионально хуже подготовлены и недостаточно устойчивы в морально-политическом плане. В их среде моджахеды не без успеха создавали разведсети, многие открыто отказывались от участия в боевых действиях против единоверцев. По воспоминаниям генерала Б.В. Громова, начиная с 1982 г., 80% личного состава составляли призывники из европейской части страны, Сибири и Дальнего Востока.

До направления в Афганистан рядовой и сержантский состав в течение полугода обучался в школах подготовки специалистов на территории советских среднеазиатских республик. В течение месяца шла дополнительная подготовка и на территории Афганистана, только после этого пополнение начинало участвовать в боевых действиях.

Общее руководство и координацию деятельности ОКСВ осуществляла оперативная группа министерства обороны СССР. С 1979 г. по 1984 г. ее возглавлял первый заместитель министра обороны маршал С.Л. Соколов, периодически находившийся в Афганистане от полутора до десяти месяцев в году. В конце 1984 г. и вплоть до вывода войск группой руководил заместитель начальника Генштаба генерал армии В.И. Варенников, при этом с начала 1987 г. группа находилась в Афганистане постоянно.

Непосредственное управление боевой и повседневной деятельностью ОКСВ осуществлял командующий 40-й армией. В течение девяти с небольшим лет в этой должности последовательно находились генерал-лейтенанты Ю.В. Тухаринов, Б.И. Ткач, В.Ф. Ермаков, Л.Е. Генералов, И.Н. Родионов, В.П. Дубынин, Б.В. Громов.

Важную роль в координации совместных действий ОКСВ и афганской армии, особенно в первые два-три года, выполнял главный военный советник в ДРА, в чьей роли довелось последовательно быть генерал-полковнику С.К. Магомедову, генералам армии А.М. Майорову, М.И. Сорокину, Г.И. Салманову, генерал-полковникам В.А. Вострову и М.М. Соцкову.

Как только ОКСВ втянулся в активные боевые действия, советское командование перешло к организации плановых операций против наиболее сильных группировок моджахедов. Всего за девять лет было спланировано и осуществлено 416 таких операций, большинство из которых имели крупномасштабный характер. В качестве наиболее удачных военные специалисты называют операции в изолированной горной долине и ущелье реки Панджшер против вооруженных формирований Ахмат Шаха, по разгрому крупного базового района оппозиции в районе Дархзаб, в зеленой зоне Джабаль-Усса-радж, Чирикара, Махмудраки в 1982 г., в районах Кандагара, Герата, Кундуза, в провинциях Логар, Нанганхар, Пактия и в округе Хост в 1985–1986 гг. Широко известной стала одна из последних операций советских войск "Магистраль" (конец 1987 г. – начало 1988 г.), проведенная совместно с афганскими правительственными войсками. В результате ее было осуществлено деблокирование дороги Гардез – Хост и проводка автомобильных колонн с запасами материальных средств.

Было проведено также более 200 частных операций и боевых действий по уничтожению отдельных отрядов оппозиции, устройству засад на караванных путях, оказанию помощи своим подразделениям, попавшим в окружение. Широко распространение получили рейдовые действия в районах предполагаемого расположения противника для разведки его сил и средств, а также действий из засад на путях выдвижения караванов и вооруженных отрядов моджахедов.

По мнению военных специалистов, советские солдаты и офицеры проявили высокие боевые качества, хотя действовать приходилось в самых тяжелых условиях, на высоте 2,5–4,5 км, при температуре плюс 45–50° и остром дефиците воды. С приобретением необходимого опыта выучка советских воинов позволяла успешно противостоять профессиональным кадрам моджахедов, подготовленным в многочисленных учебных лагерях на территории Пакистана и других стран.

"Но в целом, – как подчеркивал маршал С.Ф. Ахромеев, – главным образом из-за несоответствия поставленных тогдашним советским руководством военно-политических задач количеству выделенных для их решения войск и конкретной обстановке в этой стране, военного успеха не было и быть не могло"³⁴.

То, что по мере втягивания ОКСВ в боевые действия шансы на успех не возрастали, что надо было решаться на кардинальные меры – выводить войска, понимали многие военачальники. Но решали не они, а политики. В марте 1981 г. главный военный советник в ДРА генерал армии А.М. Майоров на заседании комиссии Политбюро по Афганистану заявил о необходимости в течение ближайшего года вывести на Родину 40-ю армию, ответственность же за защиту своей революции должны нести власти самой страны³⁵. Предложение было отвергнуто.

На состоявшемся в феврале – марте 1981 г. XXVI съезде КПСС были конкретизированы условия, на которых СССР выражал готовность по согласованию с афганским правительством вывести свои войска. Если в конце 1979 г. – начале 1980 г. в самом общем виде говорилось о том, что войска будут выведены, как только отпадут причины, побудившие Кабул обратиться с просьбой об их вводе, то теперь формулировались три условия: полное прекращение засылки в Афганистан контрреволюционных банд, закрепление такого положения договоренностями между Афганистаном и его соседями, и, наконец, получение надежных гарантий, что новой интервенции не будет.

Перелом в отношении СССР к участию в гражданской войне в Афганистане наметился, казалось, с приходом к руководству страной Андропова, который, наконец, решил непредвзято взглянуть на ситуацию³⁶. В апреле 1983 г. Андропов накануне второго раунда женевских переговоров заверил личного представителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса в готовности сделать решительный шаг к выводу войск и достижению согласия с другими странами по афганской проблеме. Однако скорая кончина Андропова не позволила реализовать такое намерение вплоть до избрания генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева.

Тем не менее, определенные шаги предпринимались. В 1983 г. на территорию СССР было возвращено несколько подразделений. А в октябре 1986 г. СССР в одностороннем порядке вывел сразу шесть боевых полков. Это стало выражением доброй воли к урегулированию афганской проблемы, а кроме того, весьма убедительным аргументом в пользу политики национального примирения.

Но идея сворачивания советского военного вмешательства, особенно в первые годы, когда иллюзии победы были сильны, имела влиятельных противников.

Органы пропаганды играли строго определенную политическим руководством роль. Даже после того, как с приходом в 1985 г. к руководству КПСС М.С. Горбачева был взят курс на вывод войск и решение проблемы Афганистана политическим путем, информация о происходящем там продолжала строго дозироваться.

25 июля 1985 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС министерство обороны, МИД и КГБ разработали перечень сведений, разрешаемых к открытому опубликованию. Показывать участие в боевых действиях подразделений и частей от роты и выше запрещалось даже центральной печати. В отдельных случаях "дополнительно" разре-

³⁴ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Указ. соч., с. 25.

³⁵ Майоров А.М. Указ. соч., с. 272.

³⁶ Е.И. Чазов вспоминал: "Я видел, как метался и нервничал в связи с афганской войной Андропов, понявший в конце концов свою ошибку". – Чазов Е.И. Указ. соч., с. 204.

шалось рассказывать о действиях небольших советских воинских подразделений по отражению нападения на них и охраняемые ими объекты, по оказанию помощи афганским войскам в разгроме формирований оппозиции и защите населения ДРА. Даже о фактах награждения наших военнослужащих можно было говорить лишь в том случае, если не показывалась их конкретная боевая деятельность. Чуть ли не прорывом в освещении афганской проблемы стало разрешение рассказывать о возвращении после излечения военнослужащих, бывших в составе ОКСВ, "в ряды тружеников народного хозяйства и проявление заботы о них со стороны местных советских и партийных органов, учреждений социального обеспечения, руководителей предприятий"³⁷.

Пока шла война, конкретных данных о потерях не сообщалось. Характерный пример – пресс-конференция начальника договорно-правового управления Генштаба генерал-полковника Н.Ф. Червова в октябре 1986 г. На просьбу британского журналиста назвать количество погибших и раненых советских воинов генерал ответил следующее: "Что касается наших утрат, то в настоящее время советские воины в Афганистане выполняют задачи только по охране местного населения от душманов, а также важных объектов. При нападении на них наши войска ведут боевые действия, и, конечно, есть потери, но они незначительны"³⁸.

Стремление прорвать информационную блокаду подчас оборачивалось лишь ненужным возбуждением общественных страстей. Широкий резонанс получило заявление, сделанное в марте 1989 г. народным депутатом СССР академиком А.Д. Сахаровым канадской газете "Оттава ситизен" о том, что в ходе боевых действий в Афганистане советские вертолеты неоднократно открывали огонь по окруженным советским солдатам во избежание их сдачи в плен.

Это высказывание было опровергнуто самими участниками войны. Маршал Ахромев заявил, "что ни единого такого факта, о котором поведали канадские газеты, ссылаясь на академика Сахарова, не было... В любых погодных условиях, днем и ночью экипажи боевых вертолетов, рискуя своей жизнью, приходили на помощь нашим воинам в самых тяжелых боевых условиях, даже тогда, когда эти условия для боевых действий оказывались наиболее опасными"³⁹.

Эмоциональное заявление академика Сахарова, повторенное в том же году на заседании I съезда народных депутатов СССР, ударило не столько по скрывавшим правду об Афганистане властям, сколько по рядовым "афганцам".

Хотя об этом и не сообщали советские средства массовой информации, в Афганистане шла настоящая война, где советские солдаты, офицеры, генералы сполна проявили самоотверженность, храбрость, войсковое братство. Оценки участия СССР в афганской войне как акции глубоко ошибочной, не могут распространяться на личный состав ОКСВ. Это была авантюра, даже преступление со стороны политических и военных руководителей, принимавших решение, но для солдат, офицеров и генералов это было выполнение приказа и воинского долга.

В обращении ЦК КПСС к "Воинам-интернационалистам, возвращающимся из Демократической Республики Афганистан", опубликованном 14 октября 1986 г., впервые были названы имена многих воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза: "Пройдут годы, но они не сотрут из памяти имена Николая Чепика, Александра Мироненко, Николая Анфиногенова, Гафира Намазова, Александра Стовы, Вячеслава Гайнутдинова, Александра Опарина, Зураба Члачидзе, Александра Демакова, Эдмунтаса Шакиниса, Георгия Демченко, всех, кто высоко пронес честь и достоинство советского народа"⁴⁰. Всего в составе ОКСВ "Золотые Звезды" героев получили 72 человека, в своем большинстве солдаты, сержанты, младшие офицеры. Многие из них, увы, по-

³⁷ Ляховский А.А. Указ. соч., с. 298.

³⁸ Красная звезда, 16.X.1986.

³⁹ Комсомольская правда, 2.III.1989.

⁴⁰ Красная звезда, 14.X.1986.

смертно. Более 200 тыс. военнослужащих были награждены орденами и медалями СССР.

ОТ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ РЕЖИМА – К ВЫВОДУ ВОЙСК

Приход к власти в СССР в 1985 г. нового руководства позволил посмотреть на проблему Афганистана свежим взглядом. Необходимость возвращения ОКСВ на Родину давно назрела. Но в то же время в Кремле не могли отказаться и от концепции оказания "братской помощи" дружественному режиму с целью его сохранения. Отдавая себе отчет в том, что эти две цели по существу исключали друг друга, Политбюро ЦК КПСС попыталось найти выход в переносе акцентов с военных на политические меры, активизацию усилий самих афганских руководителей по расширению социальной базы кабульского режима. Однако этому по-прежнему препятствовала позиция Кармала и его окружения, которые пытались усидеть на советских штыках и вместо конкретных действий ограничивались обещаниями, жалобами и просьбами о помощи.

Тем не менее, на XXVII съезде КПСС (февраль – март 1986 г.) генсек М.С. Горбачев решился на принципиальное заявление: "Мы хотели бы уже в самом близком будущем вернуть на родину советские войска, находящиеся в Афганистане по просьбе его правительства. Согласованы с афганской стороной и сроки поэтапного их вывода, как только будет достигнуто политическое урегулирование, которое обеспечит реальное прекращение и надежно гарантирует невозобновление вооруженного вмешательства извне во внутренние дела Демократической Республики Афганистан"⁴¹.

Вывод войск, как видим, по-прежнему связывался с невмешательством в афганские события извне. Однако вряд ли политическое руководство СССР заблуждалось по части возможности достижения этой цели. В то же время все более властно заявляли о себе экономические трудности Советского Союза, для которого масштабная помощь южному соседу, чем дальше, тем больше становилась непосильной, о чем Горбачев в тот момент открыто сказать не решился.

К ускорению вывода советских войск настойчиво побуждали и внутриафганские события. По оценке последнего командующего 40-й армией Б.В. Громова, 1985 год стал временем наибольшей интенсивности военных действий. Своей высшей точки достигло противостояние советских войск и частей правительственной армии с одной стороны и оппозиции с другой. Росло число погибших и раненых, что, несмотря на режим секретности, невозможно было скрыть от советских людей и что вызывало нарастающую волну возмущения в стране.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 г., подводя итог годичной работы на афганском направлении, Горбачев оценил ее как провал. Он заявил: "В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать еще 20–30 лет. Это бросало бы тень на наши способности воздействовать на развитие событий... Мы что, будем бесконечно воевать, расписываясь в том, что наши войска не смогут справиться с ситуацией? Нам нужно завершение этого процесса в ближайшее время". Горбачева поддержал Громыко, избранный председателем Президиума Верховного Совета СССР: "Сегодня надо четко сказать, что стратегическая задача заключается в том, чтобы вести дело к окончанию войны".

Невозможность решить проблему военными средствами подтвердил и начальник Генштаба маршал С.Ф. Ахромеев: "Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет. Все дело в том, что военные результаты не закрепляются политическими. В центре власть есть, а в провинциях ее нет. Мы контролируем Кабул и провинциальные центры, но на захваченной территории не можем установить власть. Мы проиграли борьбу за афганский народ. Правительство поддерживает меньшинство народа. Наша армия воевала пять лет. Она и сейчас в состоянии удержать

⁴¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 69.

обстановку на том уровне, который существует. Но в этих условиях война будет продолжаться долго"⁴².

Участники заседания обозначили две главные проблемы, связанные с предстоящим выводом советских войск: внешнеполитическую – по предотвращению вмешательства в дела страны извне и внутривнутриполитическую – по реализации концепции национального примирения, которая была предложена новым руководителем Афганистана Наджибуллой, в ноябре 1986 г. сменившим Кармалю на посту президента.

Учитывая деструктивную роль, которую в минувшие годы играл Кармалю (по выражению Горбачева, "выделял кренделя"), было принято решение всемерно поддерживать Наджибуллу. Он, по мнению генерального секретаря ЦК КПСС, объективно оценивал сложившуюся ситуацию и неотложной задачей считал национальное примирение, укрепление союза с крестьянством и консолидацию руководства партии и страны.

Что касается обеспечения благоприятного внешнеполитического фона, то решили активнее вовлекать в дело урегулирования Индию и Пакистан. Некоторое опасение возможного вмешательства со стороны США было снято Ахромеевым, который отметил, что "Вооруженными силами они (США. – Ю.Р.) не будут влезать в Афганистан" и А.Ф. Добрыниным, подчеркнувшим, что "Об этом с США можно договориться". Требовалось активизировать шедшие с 1982 г. в Женеве переговоры между Афганистаном и Пакистаном, гарантами которых выступали СССР и США.

Политбюро приняло принципиальное решение в течение максимум двух лет осуществить вывод войск из Афганистана. Эта линия была в целом выдержана, и советские воины возвратились на Родину лишь с небольшим отступлением от намеченного срока – в феврале 1989 г.

12 декабря 1986 г. в Москве состоялись переговоры Горбачева и Наджибуллы. В ходе них советский руководитель выразил солидарность с усилиями своего собеседника, направленными на достижение политического урегулирования вокруг Афганистана. Вместе с тем афганской стороне дали ясно понять, что правительство страны должно, в первую очередь, самостоятельно решать национальные проблемы. Вновь было подчеркнуто, что Советский Союз не собирается надолго откладывать вывод своих войск, хотя при любых обстоятельствах не бросит своего соседа в беде.

В развитие контактов с новым руководством Афганистана 5–7 января 1987 г. визит в Кабул нанесли член Политбюро ЦК КПСС министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и секретарь ЦК А.Ф. Добрынин. Характерно, что это был первый визит, совершенный на столь высоком уровне за все минувшие с момента ввода войск годы. Это свидетельствовало не только о длительном пренебрежении в Кремле и на Смоленской площади политико-дипломатическими средствами развязывания афганского узла, но и об истинном отношении там к Афганистану не столько как к союзнику, сколько как к вассалу.

Визит Шеварднадзе и Добрынина демонстрировал не только возросший динамизм советской внешней политики на афганском направлении, но и стремление руководства СССР перенести акценты во взаимоотношениях с соседней страной с военной области на сферу экономики, науки, культуры. Шеварднадзе прямо заявил, что советско-афганские отношения требуют иных, новаторских подходов, которые позволяли бы более чутко реагировать на проблемы объявленного в Афганистане национального примирения⁴³.

Однако новому руководству Афганистана не удалось достичь серьезного продвижения в консолидации населения и расширении социальной базы правящего режима. В 1987 г., ставшим по решению чрезвычайного декабрьского 1987 г. пленума ЦК НДПА годом политики национального примирения, более 85% территории страны находилось под контролем оппозиции. Удивляться этому не приходится, если учесть, что курс На-

⁴² Секретные документы из особых папок: Афганистан, с. 22, 25.

⁴³ Правда, 8.1.1987.

джибуллы на национальное примирение был негативно встречен значительной частью высшего политического и военного руководства Афганистана, то есть теми, кто должен был этот курс реализовывать.

Не давало ожидаемого результата и увеличение в 1987 г. численности 40-й армии до невиданных ранее 120 тыс. человек. Главная причина состояла в том, что афганская армия по-прежнему была не в состоянии самостоятельно решить ни одной серьезной задачи. Командование 40-й армией и военные советники стали все чаще сталкиваться с открытым саботажем со стороны афганских должностных лиц. Результаты, достигнутые в ходе боевых действий, правительственными силами не использовались и не закреплялись.

Лишь один пример: за девять лет в долине реки Пандшер было проведено 12 успешных боевых операций, но официальная власть здесь так и не закрепилась. Как и в других районах страны, душманы через непродолжительное время после завершения операции вновь занимали те позиции, с которых их с таким трудом выбили. Они восстанавливали базы с оружием и боеприпасами, снова выдвигались к местам дислокации советских частей и подразделений, возобновляли обстрелы и нападения.

Провозглашение политики национального примирения оппозиционные силы расценили как проявление слабости государственной власти, поэтому усилили боевой напор.

Со своей стороны, у командования 40-й армией росло понимание того, что безоглядную помощь афганцам нужно прекращать. Зная о том, что решение о выводе будет так или иначе принято, оно стало минимизировать боевую активность. Ответные и упреждающие действия каждый командир обязан был проводить так, чтобы не допустить гибели людей и даже исключить эту угрозу.

Такая позиция не устраивала Наджибуллу и его окружение. Убеждаясь, что ОКСВ больше не намерен воевать вместо них, они пытались воздействовать на командующего 40-й армией и главного военного советника, обращаясь напрямую к М.С. Горбачеву, Э.А. Шеварднадзе и В.А. Крючкову (вначале первому заместителю председателя КГБ, а затем руководителю этого ведомства).

Министр иностранных дел и руководитель КГБ были теми немногими (но весьма влиятельными) деятелями в окружении генерального секретаря ЦК КПСС, кто был убежден, что НДПА и после ухода советских войск сможет если и не сохранить всю полноту власти, то по-прежнему играть решающую роль. Они резко возражали против трезвых и показавших жизненность предложений (Г.М. Корниенко, С.Ф. Ахромеев), в соответствии с которыми НДПА, чтобы занять законное, пусть и скромное место при новом режиме, должна была поступиться большей долей власти.

Чтобы настоять на своем, Шеварднадзе и Крючков во многих случаях поддерживали просьбы афганских руководителей о помощи, в том числе военной, и в этом духе воздействовали на лидера Советского Союза. Выразительный факт: именно министр иностранных дел был категорическим противником объявления точной даты начала вывода ОКСВ – 15 мая 1988 г., которое планировалось в заявлении Горбачева 8 февраля 1988 г. Генсек решился на обнародование этой даты буквально за пять минут до заявления⁴⁴.

Логика войны, как и указания из Москвы, несмотря на попытки командования ОКСВ минимизировать боевые действия, не позволяли советским войскам передать инициативу правительственным силам. Так, в ноябре 1987 г. была проведена одна из крупнейших совместных с афганцами войсковых операций по прорыву блокады Хоста в округе Пактия. Была сорвана попытка оппозиции по отторжению округа Хост от Афганистана и созданию на его территории автономного исламского государства. Как и другие подобные операции, она сопровождалась чувствительными потерями.

Между тем в Женеве продолжались тяжелые переговоры⁴⁵. Наконец, 14 апреля 1988 г. министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США подписали пакет документов по политическому урегулированию положения в Афганистане. В со-

⁴⁴ Корниенко Г.М. Указ. соч., с. 205.

⁴⁵ См. подробнее: Христофоров В.С. Указ. соч., с. 23–47.

ответствии с ними вывод советских войск должен был осуществиться до 15 февраля 1989 г. При этом другими участниками переговоров были даны гарантии невмешательства во внутренние дела Афганистана извне.

Советским военным руководством была проведена большая работа по организации вывода частей ОКСВ. Еще накануне подписания Женевских соглашений, а именно 7 апреля 1988 г., министр обороны генерал армии Д.Т. Язов подписал директиву, в которой определялись порядок вывода войск и меры по обеспечению их безопасности в ходе совершения марша. Для обеспечения своевременного и организованного вывода были образованы три оперативные группы: в министерстве обороны во главе с маршалом С.Ф. Ахромеевым, в Кабуле – во главе с генералом армии В.И. Варенниковым, в Термезе – во главе с командующим войсками Туркестанского военного округа (ТуркВО) генерал-полковником Ю.П. Максимовым.

Непосредственную подготовку ОКСВ к выводу возглавил Варенников. Войска предварительно сосредоточивались в крупных гарнизонах с тем, чтобы осуществить вывод по тем же направлениям, которые использовались при вводе 40-й армии в 1979 г. На западе по маршруту: Кандагар – Шинданд – Кушка; на востоке: по маршрутам из Газни, Гардеза и Джелалабада, которые объединялись в Кабуле для дальнейшего следования к перевалу Саланг и завершения марша в Термезе. Соответственно создавались три группировки войск: Западная – в районах Кандагар, Шинданд, Герат; Южная – Джелалабад, Хост, Газни, Гардез; Центральная – Кабул и полоса вдоль дороги до Термеза.

Процедуру вывода удалось осуществить в два этапа. С 15 мая по 15 августа 1988 г. части ОКСВ покинули западные и южные районы Афганистана. Затем по настоятельной просьбе Наджибуллы вывод был временно приостановлен. Трезвость оценок, однако, возобладала, поскольку нарушение оговоренных в Женеве сроков могло обернуться для Советского Союза крупными международными осложнениями. Начиная с декабря 1988 г. и до 15 февраля 1989 г. включительно, страну покинули все части 40-й армии, дислоцированные в Кабуле и других районах Центрального Афганистана. Возвратились на родину и большинство из свыше 1 тыс. военных советников.

Командование 40-й армией предприняло меры, которые исключали внезапные нападения отрядов оппозиции на войска, находившиеся на марше. В ходе специальной операции "Тайфун", завершавшей боевые действия советских войск на территории Афганистана, моджахедам, которые действовали в центральных и северных провинциях, был нанесен максимальный ущерб. Достаточно сказать, что авиация 40-й армии выполнила более 1 тыс. самолетовылетов для нанесения ударов по их базовым районам. Более 400 огневых задач было выполнено артиллерией. Тем самым противник лишился возможности вести активную вооруженную борьбу на последнем этапе вывода советских войск.

Постоянно велась активная разведка, под контролем держались возможные районы скопления душманов и вероятные места их выхода к основным маршрутам движения советских воинских частей. Была значительно усилена охрана дорог. Эту задачу на восточном направлении выполняли 26 батальонов, на западном – три батальона, еще 25 батальонов несли службу по охране военных аэродромов. С частью полевых командиров из лагеря оппозиции удалось достичь договоренности о прекращении боевых действий на время вывода.

В течение трех дней, начиная с 30 января 1989 г., основная часть авиации была перебазирована с Баграмского аэродрома на территорию СССР. 4 февраля 1989 г. последний советский солдат покинул Кабул. 8 февраля 1989 г. завершилось последовательное снятие личного состава со сторожевых застав на дороге Кабул – перевал Саланг, а в течение последующих двух дней подразделения были выведены и с перевального участка, вся трасса была передана под охрану правительственных войск. На западном направлении советские подразделения 4 февраля покинули Шинданд, а 12 февраля – Герат. С 11 по 14 февраля на территорию ТуркВО вышли части и подразделения 40-й армии, находившиеся на участке от перевала Саланг до Хайротана. 15 февраля 1989 г. в точном

соответствии с обязательствами, которые взял на себя СССР, вывод ОКСВ был завершен без боевых потерь⁴⁶.

Оставляя места дислокации, советское командование передало афганской стороне 184 военных городка, полностью готовых к эксплуатации, на сумму 699 млн. рублей, а также коммунального оборудования и различной техники на 98,3 млн. рублей⁴⁷. Однако все это было немедленно разграблено: сказывалась многолетняя привычка большинства должностных лиц и рядовых афганцев рассматривать помощь СССР в основном как источник личного обогащения.

По единодушной оценке советских военных специалистов, Наджибулла и его правительство предпринимали огромные усилия, чтобы любой ценой удержать хотя бы часть советских войск. Министерство обороны Афганистана до последнего дня всеми путями втягивало их в широкомасштабные боевые действия, при этом сами афганцы избегали непосредственного участия в боях. Действовали таким образом они и в целях сохранения собственной живой силы, и в расчете на позитивную оценку своего бездействия со стороны оппозиции, могущей в скором времени прийти к власти.

Руководители Афганистана пытались добиться того, чтобы, в крайнем случае, и после вывода войск советская военная авиация продолжала бы уже с советской территории наносить бомбово-штурмовые удары по силам оппозиции. Хотя это грозило неизбежным переносом боевых действий уже на территорию советских республик Средней Азии.

Советское политическое руководство в целом объективно оценивало ситуацию, сложившуюся в Афганистане накануне окончания вывода войск. В записке, направленной 23 января 1989 г. в Политбюро ЦК КПСС Э.А. Шеварднадзе, В.М. Чебриковым, А.Н. Яковлевым, Д.Т. Язовым, В.С. Мураховским и В.А. Крючковым, справедливо отмечалось, что какой бы то ни было отход от объявленных решений о завершении вывода войск к 15 февраля 1989 г. чреват для Советского Союза крайне нежелательными международными последствиями.

Выражалось опасение за судьбу кабульского режима, "который во всем мире ассоциируется с нами" и который (об этом, правда, не говорилось) полностью дискредитировал себя, переложив заботу о собственном сохранении на плечи советского союзника. В связи с этим в записке предлагались варианты возможных действий, большинство из которых, так или иначе, сводилось к сохранению советского военного присутствия в Афганистане (порой значительного, до мотострелковой дивизии). В качестве основного повода выдвигались соображения гуманитарного порядка, связанные с необходимостью оказания продовольственной помощи населению и охране магистрали Хайратон – Кабул. Но ведь и эти соображения не гарантировали советские части от стихийного втягивания в боевые действия, как это было в 1979–1980 гг. сразу же после ввода войск.

Как следовало из записки, афганцы не получили категорического отказа на их откровенно провокационное предложение по-прежнему использовать советскую авиацию для борьбы с оппозицией, но уже с аэродромов на территории СССР. Как целесообразное, в записке рассматривалось использование возможностей пограничных войск СССР в прилегающей афганской зоне. По мнению авторов записки, "уверенность в силах" афганцам придала бы и передача им ракетных комплексов Р-300 и установок залпового огня "Ураган"⁴⁸.

Несмотря на очевидные колебания между суровой действительностью и соображениями союзнического долга, основной упор предлагалось сделать все же на оказании афганской стороне дополнительной экономической помощи, а также на меры дипломатического и пропагандистского характера. Однако и открытые сторонники продолжения военного присутствия все время стремились взять реванш. В нарушение плана вывода

⁴⁶ Язов Д.Т. Указ. соч., с. 414.

⁴⁷ Громов Б.В. Указ. соч., с. 312.

⁴⁸ Секретные документы из особых папок: Афганистан, с. 30–31.

советские части в Кабуле были по настоятельной просьбе Наджибуллы, поддержанной Шеварднадзе, задержаны еще на два месяца⁴⁹.

В конце концов, в руководстве Советского Союза победила линия на скрупулезное выполнение Женевских соглашений, несмотря даже на то, что партнеры по переговорам, в первую очередь Исламабад, с самого начала встали на путь их нарушения.

Анализ документов высшего политического руководства СССР показывает, что опасность нового вовлечения Советского Союза в афганские события еще некоторое время сохранялась. Не прошло и трех месяцев после вывода войск, как Л.Н. Зайков, Э.А. Шеварднадзе, Д.Т. Язов и В.А. Крючков направили в Политбюро ЦК КПСС записку "О дополнительных мерах воздействия на афганскую ситуацию", из которой следует, что советская военная авиация все это время совершала разведывательные полеты над территорией соседней страны. Записка содержала предложения продолжать подобные полеты в интересах кабульского режима и впредь, кроме того, как и прежде, проводить демонстрационные перемещения нашей авиации на советских аэродромах вблизи границы с Афганистаном с целью психологического давления на оппозицию и власти Пакистана. Рекомендовалось "изыскать дополнительные возможности" для ускорения поставок Кабулу ракет Р-17, средств ПВО и другого вооружения, позволяющего оказывать на противника мощное огневое воздействие. Записка содержала многозначительную фразу: "Вопрос о нанесении бомбово-штурмовых ударов советской авиации с территории СССР требует дополнительного изучения"⁵⁰.

Политбюро на заседании 13 мая 1989 г., рассмотрев записку и одоблив ее, дало указание министерству обороны, КГБ и министерству иностранных дел принять необходимые меры по реализации содержащихся в ней предложений. Особо предписывалось в срочном порядке увеличить поставки ракет и их боевых частей до 10–12 единиц в сутки. Вопрос о нанесении бомбово-штурмовых ударов с советской территории специально не акцентировался, но сама его постановка в такой плоскости показывает, что подобного рода меры руководством СССР не исключались.

ЦЕНА ВОЙНЫ

"Необъявленная" война на земле Афганистана оставила в истории нашей страны и в народной памяти след, не изгладившийся и спустя 30 лет. За период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. общие безвозвратные потери вооруженных сил, пограничных и внутренних войск составили 15051 человек, в том числе 287 человек пропали без вести. Из них 14427 человек приходятся на органы управления, соединения и части вооруженных сил, 576 – на органы госбезопасности, 28 – на МВД СССР, 20 – на другие министерства и ведомства.

Санитарные потери составили 469685 человек, в том числе раненые, контуженные, травмированные – 53753, заболевшие – 415932. Из 11294 человек, уволенных с военной службы в связи с ранениями, увечьями и тяжелыми заболеваниями, стали инвалидами 10751, в том числе: 1-й группы – 672, 2-й группы – 4216, 3-й группы – 5863⁵¹.

За время участия ОКСВ в войне пропали без вести и оказались в плену 417 военнослужащих, из которых освобождены и вернулись на Родину 130 человек. Несмотря на рекомендации министерства обороны, советская дипломатия не считала необходимым добиться того, чтобы в Женевских соглашениях были зафиксированы условия освобождения остальных. В результате около 300 военнослужащих так и остались у противника на положении пленных. Выяснением их судьбы и вызволением из плена

⁴⁹ Как не без сарказма писал бывший командующий 40-й армией, эта авантюра была предпринята, чтобы "дать возможность правительству Афганистана надыхаться напоследок воздухом свободы и власти". – Громов Б.В. Указ. соч., с. 325.

⁵⁰ Секретные документы из особых папок: Афганистан, с. 32.

⁵¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001, с. 536–538.

длительное время государство не занималось, отдав это важнейшее дело на откуп правозащитным организациям и частным лицам.

Неоднозначный, во многом еще до конца неясный след оставила та война в общественном сознании и судьбе нескольких поколений советских людей. Через "Афган" прошли 620 тыс. военнослужащих, кроме того, на должностях гражданского персонала там находилась еще 21 тыс. человек⁵². Если не все, то значительная их часть испытала на себе т.н. афганский синдром, или, говоря медицинским языком, посттравматические стрессовые расстройства. Тестирование, проведенное в начале 90-х годов, показало, что 35–40% участников войны в Афганистане остро нуждались в помощи профессиональных психологов⁵³. Специалисты даже склонны говорить об "афганцах", как об особой социально-психологической группе, поскольку для них война была гораздо большим психологическим шоком, чем опосредованное ее восприятие всем обществом⁵⁴.

Оставляя за скобками сугубо медицинские аспекты, подчеркнем, что в социальном плане этот синдром выразился в непростом возвращении бывших "афганцев" к мирной жизни, негативном отношении к общественным институтам, к структурам власти. Боевые условия сделали многих солдат и офицеров волевыми и независимыми личностями, обладающими весьма специфическим опытом и особой системой взглядов, что помогло им уцелеть на войне, но и резко осложнило адаптацию вчерашних воинов к мирной действительности.

Афганский синдром испытали на себе не только непосредственные участники выполнения "интернационального долга". Последствия вмешательства СССР в чужой внутригосударственный конфликт оказались тяжелыми для всего советского, российского общества, для внутренней жизни в нашей стране. Одна из главных причин – крайне низкий уровень информированности населения.

Но и после 1985 г. пропагандистская риторика очень медленно уступала место объективной информации. Дегероизация образа "афганцев" усилилась вследствие политической оценки, которую участию СССР в афганском конфликте дал состоявшийся в декабре 1989 г. II съезд Народных депутатов СССР. В постановлении съезда говорилось, что решение о вводе советских войск в соседнюю страну заслуживает морального и политического осуждения и что оно было принято в нарушение Конституции СССР, ибо ни Верховный Совет СССР, ни его Президиум данный вопрос не рассматривали. Ответственность за втягивание страны в чужую войну съезд возложил на узкий круг лиц, принявших это решение – Брежнева, Андропова, Громыко, Устинова⁵⁵.

Однако негативная оценка войны перестроечными средствами массовой информации была без особых оснований и с молчаливого согласия властей перенесена на ее участников, чья "вина" заключалась лишь в том, что они выполняли волю руководства страны. Погибших, по указанию Политбюро ЦК КПСС, хоронили на родине без малейшей огласки, до 1987 г. на надгробных памятниках даже запрещалось делать надписи, по которым можно было судить о принадлежности погибшего к ОКСВ. "Если сейчас мы будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробьях могил, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно", – заявил на заседании Политбюро 30 июля 1981 г. Суслов. "Увековечивать их память пока рановато", – соглашался Андропов⁵⁶.

Воины, познавшие тяжелый и смертельно опасный ратный труд, получившие ранения, увечья и контузии, уволившись в запас, нередко встречали оскорбительное непонимание окружающих. Конечно, было бы абсурдом объявлять, подобно временам Вели-

⁵² Россия и СССР в войнах XX века, с. 536.

⁵³ Война в Афганистане, с. 307.

⁵⁴ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999, с. 101.

⁵⁵ Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. 12–24 декабря 1989 г., т. IV. М., 1989, с. 616.

⁵⁶ *Гареев М.А.* Указ. соч., с. 345.

кой Отечественной войны, достижение победы в Афганистане делом всего советского народа – принципиальная разница двух войн очевидна⁵⁷. И ждать, что "афганца" будут встречать на родной земле так же, как советских солдат в мае 1945 г., вряд ли обоснованно. Но в то же время возвращение ветерана боевых действий к обычной мирной жизни не могло оставаться его частным делом. Однако на практике нередко происходило именно так, что вчерашний солдат или офицер свои многочисленные проблемы вынужден был решать сам.

Востребованными оказались лишь специфические качества "афганцев" – высокая социальная активность и уникальный боевой опыт. С этой точки зрения они оказались привлекательными не только для различных политических сил, правоохранительных органов, бизнеса, охранных предприятий. Многие пополнили криминальные структуры, а также завербовались для участия в многочисленных войнах и вооруженных конфликтах по всему миру⁵⁸. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что последствия войны в Афганистане по-прежнему ощущаются в российском обществе.

"Необъявленная" война против Афганистана была первой для СССР военной акцией такого типа после Второй мировой войны. Все предыдущие либо предпринимались в отношении прямых союзников по социалистическому содружеству (Венгрия, Чехословакия, Вьетнам), либо носили скрытый и локальный по масштабам характер (Северная Корея, Ангола, Сомали, Египет).

По мнению многих специалистов, почти десятилетнее участие Советского Союза во внутриафганском конфликте, вызвав крайнее перенапряжение его экономики, стало одним из непосредственных факторов материального истощения нашей страны и ее последующего распада.

До сих пор не подсчитан ущерб, нанесенный той войной советской экономике. Известна лишь сумма расходов на гуманитарную помощь (подготовка кадров для народного хозяйства, льготное кредитование, отсрочки по платежам, безвозмездная помощь и т.д.), предоставленную в период с 1978 по 1990 г.: она составила 8,05 млрд. инвалютных рублей⁵⁹. Общие же расходы были, безусловно, на несколько порядков выше.

Катастрофическими оказались политические и геополитические последствия участия СССР в "необъявленной" войне в Афганистане. Советский Союз оказался в международной изоляции, его акцию отказались поддержать даже некоторые социалистические страны и ведущие коммунистические партии стран Запада. Было не только утрачено какое-либо влияние на Афганистан, но СССР вообще покинул регион, в то время как позиции главного геополитического оппонента – США здесь значительно укрепились. Тщетной оказалась попытка обеспечить безопасность СССР с южного направления, более того, война, разгоревшаяся на территории Афганистана, перекинулась на территорию Средней Азии.

А главное – участие в афганской войне способствовало резкому обострению системного кризиса в СССР, что, в конце концов, предопределило значительное ослабление позиций нашей страны на мировой арене.

⁵⁷ См.: *Марчук Н.И.* Указ. соч., с. 123.

⁵⁸ *Афганистан в нашей судьбе.* М., 1989, с. 15, 124.

⁵⁹ *Громов Б.В.* Указ. соч., с. 333.